

1 Мая № 13-й. 1913 года.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

ПОЛТАВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ. ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ.

Простая рѣчь священника къ народу о прославленіи Святѣйшаго патріарха Гермогена.

*Господь крѣпость людямъ Своимъ дастъ;
Господь благословитъ люди своя миромъ.
(Псал. XXVIII, 11)*

Всякому, кому извѣстна исторія нашего государства Русскаго, кто не только читаль, но слышалъ только лишь, вѣдомо имя патріарха Гермогена.

Къ этому имени почти всегда прибавляется: Страдалецъ за вѣру Православную и землю Русскую.

Онъ жилъ въ лютое время. Ему много пришлось страдать и жизнь положить за вѣру, за спасеніе русской земли.

Господь укрѣплялъ его, а его молитвами посылалъ крѣпость русскому народу. По его молитвамъ Господь ниспослалъ благословеніе мира русской землѣ.

300 лѣтъ прошло со дня его кончины до дня причтенія къ лику святыхъ.—За это время Россія не переживала въ другой разъ такой смуты, какая была при жизни святителя Гермогена.

Въ этомъ всякій вѣрующій человекъ и долженъ видѣть то благословеніе мира, которое ниспослано Богомъ молитвами Великаго Божія Угодника.

Молясь ему, да не оставитъ и на будущее время онъ любовію своею русскую землю, какъ любилъ ее при жизни своей, остановимся вниманіемъ на его жизни, дѣлахъ и страдальческой кончинѣ. Посмотримъ, кто онъ былъ, что дѣлалъ, какъ закончилъ жизнь свою земную.

Время рожденія Святителя Гермогена вѣдомо одному Богу. Неизвѣстно, кто были его родители. Предполагаютъ, что онъ происходилъ изъ городского сословія. Въ одной изъ церквей города Вятки есть древняя икона, которою Святитель Гермогенъ благословилъ своего зятя Корнилія Рязанцева, посадскаго человѣка. Такъ говоритъ надпись на этой иконѣ. Другихъ вѣрныхъ свѣдѣній нѣтъ. А на основаніи той надписи можно судить, что св. Гермогенъ, имѣя родственника изъ городского сословія—посадскаго человѣка, и самъ происходилъ изъ того же сословія и м. б. родился въ городѣ Вяткѣ. ¹⁾

Не дошло до насъ извѣстій, какъ проводилъ дѣтство и молодые годы угодникъ Божій. Знаемъ только, что онъ былъ священникомъ въ городѣ Казани въ то время, когда тамъ явилась чудотворная икона Божіей Матери въ 1579 году. Эту икону чудеснымъ образомъ нашла въ землѣ слѣпая дѣвочка 9-ти лѣтъ, по имени Матрона. Ей нѣсколько разъ были указанія объ этомъ во снѣ. И когда она взяла изъ земли икону, сейчасъ же стала видѣть глазами—исчезла слѣпота.

Чудесно найденная и прославленная чудесами икона, была поставлена епископомъ Казанскимъ Іереміею въ церкви Свят. Николая. Священникомъ при этой церкви былъ святой Гермогенъ. Онъ тогда же написалъ повѣсть о явленіи и чудесахъ явленной иконы Царицы небесной.

Вскорѣ послѣ того Гермогенъ принялъ монашество, а потомъ былъ архимандритомъ Спасо-Преображенскаго монастыря (въ томъ же гор. Казани,—монастыря, устроеннаго при царѣ Іоаннѣ Грозномъ преп. Варсонофіемъ, бывшимъ послѣ того архіепископомъ Тверскимъ. Житіе этого святителя Варсонофія и житіе другого святителя Гурія, перваго архіепископа Казанскаго, также написалъ св. Гермогенъ. Онъ былъ очень образованный, ученый чело-

¹⁾ Проф. С. Ѡ. Платоновъ. „Очерки по исторіи смуглы въ Московскомъ государствѣ ХVI—ХVII в.в. стр. 589.

вѣкъ.) За его ученость и святую подвижническую жизнь онъ былъ поставленъ Архіепископомъ Казанскимъ 13 мая 1589 года, почти спустя 10 лѣтъ послѣ явленія иконы Божіей Матери.

17 лѣтъ управлялъ Казанью святитель Гермогенъ. Много за это время сдѣлалъ онъ добраго: ископоталъ открытіе мощей святителей Гурія и Германа, Архіепископовъ Казанскихъ, и Варсонофія, Арх. Тверскаго. Это были первые просвѣтители вѣрою Христовою дикаго казанскаго края, недавно отнятаго царемъ Іоанномъ Грознымъ у татаръ.

Далѣе свят. Гермогенъ установилъ вѣчное поминовеіе воиновъ, павшихъ въ битвѣ при покореніи Казани, установилъ празднованіе памяти первыхъ трехъ мучениковъ за вѣру Христову, пострадавшихъ отъ татаръ, и усердно проповѣдывалъ православіе среди татаръ. Онъ обратилъ вниманіе на то, что татары крещенные стали забывать христіанскую вѣру и много еще было некрещенныхъ. И всѣми силами, своими и съ помощью высшихъ духовныхъ властей, Свят. Гермогенъ достигъ того, что вѣра христіанская православная утвердилась въ Казанскомъ краѣ.—

А въ то время, когда Святитель Гермогенъ трудился въ Казани, на землѣ русской начиналась смута.

Съ 1598 году умеръ царь Феодоръ Іоанновичъ, сынъ Іоанна Грознаго. Онъ умеръ, не оставивъ дѣтей, и родъ царей, древній, существовавшій свыше 700 лѣтъ, прекратился. Послѣдній потомокъ царскій, царевичъ Дмитрій, былъ убитъ 15 мая 1591 г.

На землѣ русской стало безпокойно. Не стало ни законнаго царя, ни наслѣдника. Скоро однако выбрали Бориса Годунова, родственника царя Феодора. Но миръ былъ недолго въ русскомъ государствѣ.

Люди не могли забыть внезапной смерти царевича Дмитрія и многіе даже не хотѣли вѣрить, что онъ убитъ. Стали ходить слухи, что будто бы вмѣсто него убитъ сынъ няньки царевича, а самъ царевичъ живъ.

Смута начиналась. Нашелся такой челѣкъ, который объявилъ себя Дмитріемъ, будто бы спасеннымъ отъ убиіца. Онъ былъ ровесникъ по лѣтамъ убитаго царевича. И его обману повѣрили.

Онъ, будучи самъ русскимъ, не съ помощью русскихъ людей, однако, сталъ добиваться завладѣть русскимъ царствомъ. Онъ шель въ Русскую землю изъ Польши. Вышло это такъ потому, что бояре русскіе продали свою совѣсть полякамъ. Бояре не хотѣли слушаться царя Бориса, не хотѣли повиноваться ему, возгордились. Каждый изъ нихъ думалъ: почему я не могу быть царемъ. Вѣдь Борисъ такой же бояринъ, какъ и мы. И бояре вошли въ союзъ съ поляками. А Польша въ ту пору была сильнымъ царствомъ и ей неприятно было имѣть еще болѣе сильнаго и богатаго сосѣда, какъ русское государство.

Польшѣ надо было покорить или хотя только обезсилить Русь. И вотъ, вступивъ въ союзъ съ боярами—измѣнниками, поляки указали имъ и народу, что въ ихнемъ королевствѣ прячется будто бы отъ царя Бориса сынъ Іоанна Грознаго, тотъ самый царевичъ Димитрій, котораго считали убитымъ.

Онъ собралъ польское войско и пошелъ на Русь отнимать царскій престолъ у Бориса. Народъ дался на обманъ и признавалъ въ этомъ человѣкѣ настоящаго царевича Димитрія.

Въ это время внезапно царь Борисъ умеръ въ 1605 г., процарствовавъ только 7 лѣтъ. Послѣ него объявленъ былъ сынъ его Феодоръ, но онъ считался царемъ всего нѣскольکو дней. Человѣкъ, назвавшій себя Димитріемъ, завладѣлъ Москвой и всѣмъ русскимъ царствомъ.

Былъ ли это настоящій Димитрій? Конечно, нѣтъ. Его такъ и назвали «самозванецъ, т. к. онъ, не будучи Димитріемъ, самъ назвалъ себя имъ. Но этотъ бродяга однако 11 мѣсяцевъ былъ царемъ.

Земля русская досталась въ добычу полякамъ. Самозванецъ окружилъ себя поляками. Польское духовенство даже встрѣчало его въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, привѣтствовало рѣчами.—Жена самозванца была полька, не захотѣвшая принять православіе.

Неужели всѣ вѣрили самозванцу и молчали? Нѣтъ, вѣрили не всѣ. Патріархъ Іовъ не захотѣлъ признавать его и за это былъ лишенъ патріаршества и сосланъ въ монастырь. Это былъ первый патріархъ на Руси, поставленный при царѣ Феодорѣ Іоанновичѣ, въ 1589 г. Самозванецъ на его мѣсто поставилъ угоднаго патріарха Игнатія.

Видѣлъ самозванецъ, что русскіе сильно не любятъ поляковъ и его самого.— чѣмъ далѣе шло время—не такъ уже почитаютъ и захотѣлъ кое-что сдѣлать такъ, чтобы понравиться народу. Съ этою цѣлью онъ собираетъ управление государствомъ, похожее на прежнюю Думу боярскую, но по образцу польскаго сейма и въ этомъ управленіи назначаетъ быть на первомъ мѣстѣ духовенству. Для этой цѣли онъ вызываетъ въ Москву особенно почитаемыхъ архіереевъ и среди нихъ вызываетъ изъ Казани Святителя Гермогена.

Не долго оставался въ Москвѣ Святитель. Онъ хорошо зналъ, кто такой самозванецъ. И твердо стоя на правдѣ, потребовалъ отъ него, чтобы жена его приняла православіе, чтобы польское духовенство ушло вмѣстѣ съ тѣмъ отъ царскаго двора. Тогда смѣлаго словомъ Святителя отсылаютъ обратно въ Казань и навѣрно его лишили бы архіерейства, да въ очень скоромъ времени самъ самозванецъ былъ убитъ. Люди, близко къ нему находившіеся, рассмотрѣли и поняли, что это не царь, а бродяга, назвавшійся царемъ.—

Опять осталась Русь безъ царя. Смута увеличивалась. Теперь уже не только русскіе между собою вели разговоръ, но ихъ еще притѣсняли и поляки, пришедшіе съ самозванцемъ на Русь.

Много старался въ раскрытіи правды относительно самозванца—настоящій или ложный онъ царь,—бояринъ Василій Шуйскій. Онъ руководилъ и мятежемъ, во время котораго самозванца убили. И когда люди стали думать, кто бы имъ былъ царемъ—рѣшили посадить на царство Василя Шуйскаго.

Новый царь, очищая Москву и царство отъ поляковъ, убралъ и поставленнаго самозванцемъ Игнатія, а на патриаршество былъ возведенъ Святитель Гермогенъ 3 іюля 1606 года.

Много тяжкаго труда предстояло Св. Гермогену. Народъ привыкъ къ смутѣ, къ постоянному бунту, иной разъ самъ не сознавая, чего ради бунтуетъ. Это и теперь такъ: чернь всегда бунтуетъ, не разбирая ничего. Тогда и бояре и правительство теряли разумъ. Нашлись у царя Василя враги, собрали войско, стали грабить города и села и назывались также именемъ Димитрія, пуская въ на-

родѣ слухъ, что царствовавшій въ Москвѣ Дмитрій былъ не самозванецъ, а настоящій царь, и убитъ во время мятежа не онъ, а кто-то другой; самъ же онъ спасся и теперь идетъ отнимать царство у Василя Шуйскаго.

Тутъ-то на защиту правды смѣло выступаетъ Св. Гермогенъ. Онъ посылаетъ крутицкаго митрополита Паонутія уговаривать мятежниковъ, но тѣ отказались выслушать благоразумное слово. Тогда онъ разсылаетъ по городамъ грамоты, извѣщая о погибели самозванца, о убіеніи царевича Дмитрія, открытіи его мощей и перенесеніи ихъ изъ г. Углича, гдѣ совершилось убійство, въ Москву и защищалъ царя Василя, какъ истиннаго государя, которому всѣ должны повиноваться и не слушать бродягъ, измѣнниковъ присягъ, сбюющихъ раздоръ, мятежъ въ народѣ. Эти грамоты духовенство по распоряженію Свят. Гермогена читало вездѣ въ церквахъ и совершало молебны о здравіи царя Василя.

Слово патріарха не прошло мимо сердець. Многіе начальники войска съ своими полками отстали отъ бродяги и выступили на защиту царя Василя. Св. Гермогенъ вызываетъ тогда изъ монастыря бывшаго патріарха Іова. Святитель Іовъ былъ уже старъ и послѣдніе дни по собственному желанію проводилъ въ покоѣ, удалившись отъ всякихъ дѣлъ. Онъ не пожелалъ вторично занять мѣсто патріарха, когда ему это предлагали. И вотъ теперь патріархъ Гермогенъ вызываетъ его, чтобы утвердить въ народѣ вѣрность царю. Склонивъ сердца людей къ раскаянію, Св. Гермогенъ заставляетъ ихъ просить прощенія у патріарха Іова, который въ бытность свою патріархомъ принималъ присягу вѣрно служить царю Борису и не признавать самозванца. Эту присягу люди-бунтовщики нарушили и теперь просили прощенія.

Располагая безбожный народъ къ покаянію, Св. Гермогенъ устанавливалъ посты и всѣми мѣрами старался прекратить мятежъ. Но зло великую силу имѣло. На мѣсто одного бродяги, преданнаго проклятію Святителемъ Гермогеномъ, является другой, тоже подъ именемъ Дмитрія, идетъ войною на царя Василя и останавливается лагеремъ подъ Москвою въ с. Тушинѣ. По имени этого села, онъ и былъ названъ Тушинскимъ воромъ.

Началась опять смута. Патріархъ Гермогенъ одинъ бо-

ролся противъ людей, потерявшихъ честь и совѣсть. Онъ велъ тяжелую борьбу въ Москвѣ и почти не имѣлъ себѣ помощниковъ. Въ другихъ городахъ его дѣло вели вѣрные ему архіереи: въ Казани митроп. Ефремъ, въ Ростовѣ Филаретъ.

Наконецъ поднялся открытый бунтъ. Бунтовщики напали на Святителя Гермогена и потащили его на середину Москвы на площадь для объявленія о лишеніи царя Василія царскаго престола. Его били кулаками, обсыпали пескомъ, хватали за грудь и трясли. Но ничто не помогло. Святитель стоялъ за правду и за царя.

Онъ еще разъ попробовалъ послать народу посланія— грамоты. Намъ извѣстны двѣ. Въ одной изъ нихъ такъ говорится:

«Бывшимъ православнымъ христіанамъ всякаго чина, возраста и сана, теперь же не вѣдаемъ, какъ васъ и называть. Недостаетъ мнѣ словъ, болитъ душа, и болитъ сердце, всѣ внутренности мои расторгаются и всѣ составы мои содрогаются, плачу съ рыданіемъ и воію: помилуйте, помилуйте свои души и души своихъ родителей, возстаньте, вразумитесь и возвратитесь».

Въ 1610 году царь Василій былъ насильно постриженъ въ монашество бунтовщиками, измѣнниками присягѣ.

Опять Русь осталась безъ царя.

Святитель Гермогенъ не замолкъ. Онъ теперь особенно кричалъ противъ злого дѣла. Когда постригали царя Василія, за него говорилъ монашескія обѣщанія и дѣйствовалъ вмѣсто него бояринъ Тюрякинъ, также по имени Василій. Онъ объявилъ Тюрякина постриженнымъ въ монашество, а царя Василія свободнымъ отъ монашества и проклялъ Тюрякина за то, что онъ дѣйствовалъ отъ имени царя.

Русская земля, казалось, погибала. Шайки разбойниковъ ходили повсюду, жгли, грабили имущество, убивали ни въ чемъ неповинныхъ людей. Зарево пожара не потухало по ночамъ. Поляки въ Москвѣ хозяйничали какъ дома. А возлѣ гор. Смоленска стоялъ съ войскомъ король Польскій Сигизмундъ. Подъ Троице-Сергіевской лаврой стояли также польскія войска.

Бояре, не зная какъ и чѣмъ спасти Русь, избрали царемъ польскаго королевича Владислава. Святит. Гермо-

генъ возсталъ и противъ этого избранія, указывая на родъ бояръ Романовыхъ, откуда можно бы имѣть царя природнаго русскаго, православнаго, но святителя опять не послушали.

Польскій король не отпуская однакоже своего сына на царство Русское. Онъ рзсчитывалъ царствовать самъ. И нѣкоторые изъ бояръ согласны были и на это. Но святитель Гермогенъ не далъ благословенья, какъ ни просили его бояре.

Святитель всенародно объявилъ запрещеніе присягать польскому королю. Его письменныя и словесныя наставленія многихъ образумили. Стало собираться народное ополченіе подъ начальствомъ Прокопія Ляпунова. Поляки и друзья ихъ изъ русскихъ бояръ испугались и стали требовать отъ Святителя Гермогена, чтобы онъ вернулъ назадъ ополченіе.

Святитель отказалъ. За это его заключили въ тюрьму. Грозили злою смертью.

«Боюсь единаго Бога, живущаго на небесахъ—говорилъ Святитель. Вы мнѣ сулите злукъ смерть, а я надѣюсь чрезъ нее получить вѣнецъ небесный и давно желаю пострадать за правду».

Святителя объявили лишеннымъ патріаршества. Заключили его въ подземелье Чудова монастыря въ Кремль. Во время заключенія его къ нему являлись злые бояре, друзья поляковъ. Одинъ изъ нихъ Салтыковъ особенно приставалъ къ святителю, грозилъ его убить, нападая съ ножомъ. Святитель Гермогенъ сотворилъ въ воздухѣ знаменіе креста противъ ножа, сказавъ:

«Вотъ оружіе противъ твоего ножа, измѣнникъ!».

А друзья Святителя Гермогена, ободряемые его наставленіями, спасали Русскую землю. Въ Нижнемъ Новгородѣ по зову Минина собиралось новое ополченіе. Троице-Сергіева Лавра была непобѣдима для поляковъ.

Поляки морили Святителя голодомъ. «Меташа страдальцу Христову нечеловѣческую пищу: въ недѣлю снопь овса и воды», говоритъ древнее сказаніе.

Но твердость святителя не поколебалась. Онъ благословлялъ ополченцевъ:

«Да будетъ надъ ними милость отъ Господа Бога, а

отъ нашего смиренія благословеніе; а на измѣнниковъ да шлется гнѣвъ отъ Бога, а отъ нашего смиренія да будутъ прокляты они въ семь вѣкъ и въ будущемъ».

17 февраля 1613 года Святитель Гермогенъ скончался отъ голода.

Онъ немного не дожиль до спасенія Руси и избранія царя.

21 февраля избранъ былъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ. На него и указывалъ раньше Святитель Гермогенъ, когда избирали Владислава.

На Руси стало спокойно.

Господь, укрѣпившій Святителя въ подвигахъ, далъ крѣпость Русскому царству и молитвами его благословилъ людей православныхъ миромъ.

Среди благочестивыхъ людей всегда жила увѣренность въ святости Святителя Гермогена. Его тѣлу поклонялись какъ святымъ мощамъ. Спустя 40 л. по его кончинѣ, мощи его были перенесены въ Успенскій соборъ изъ Чудова монастыря Святителемъ Никономъ, патріархомъ Московскимъ.

По молитвѣ предъ ними вѣрующіе получали просимое. А спустя три вѣка пришелъ часъ причтенія Святѣйшаго патріарха Гермогена къ лику Святыхъ угодниковъ Божіихъ.

Дивенъ путь земного бытія Святителя, тяжки труды его, мученическая кончина. Всю свою жизнь онъ положилъ на благо Церкви и Родины—земли Русской. Крѣпко любилъ онъ Родину свою при жизни. Вѣримъ, не оставитъ ея и по святой кончинѣ своей.

Умоли же Бога, Святителю, да будетъ Онъ милостивъ къ намъ. Злые мы стали теперь, склонны къ смутѣ, мятежу; скоро забываемъ добро. Будь же ходатаемъ за насъ!

Святителю Христовъ, отче Гермогене, моли Бога о насъ!

Священникъ Григорій Корсунъ.

Солннїе Болы.

Господь Иисусъ Христосъ, по воскресенїи Своемъ, въ тотъ же день явился возлюбленнымъ ученикамъ Своимъ. Всѣ ученики Христовы были при этомъ радостномъ явленїи; одинъ апостоль Ѳома не находился вмѣстѣ съ ними, и только свидѣтельство другихъ удостовѣряло его въ дѣйствительности чуднаго событїя. Свидѣтельство соучениковъ и очевидцевъ было единодушно и несомнѣнно; но не въ духѣ Ѳомы—повѣрить тому, чего онъ не видалъ собственными глазами и не осязалъ собственными руками. Онъ не вѣрилъ и говорилъ: *аще не вижу на руку Его язвы гвоздинья, и вложу перста въ язву гвоздинья, и вложу руку мою въ ребра Его, не иму вѣры* (Іоан. 20, 25). Онъ усомнился, но желалъ бы вѣрить, желалъ бы разогнать тучу недоумѣній и сомнѣній, которая помрачала его сердце, вливала безотрадныя мысли въ его душу и вызывала на уста его, повидимому, дерзновенныя слова: *аще не увижу..., аще не осяжу..., не иму вѣры*. И любвеобильный Господь, видящїй самыя внутреннїя помышленїя и чувствованїя всѣхъ и cadaго, и не желающїй, чтобы погибла хотя одна изъ духовныхъ овецъ Его,—тѣмъ болѣе овца, столь возлюбленная и принятая въ число самыхъ близкихъ къ Своему Пастырю (Іоан. 10, 28), благоволилъ вновь придти, чтобы *взыскать раба Своего* (Псал. 118, 176), и спустя восемь дней явился во второй разъ ученикамъ Своимъ. Апостоль Ѳома теперь находился вмѣстѣ съ ними, и, по повеленїю Господа, получилъ тѣ доказательства воскресенїя, которыхъ требовало неумѣстное его сомнѣнїе. Теперь онъ самъ слышалъ, видѣлъ, осязалъ Господа и, уже не имѣя требовать ничего болѣе, сказалъ Явившемуся: *Господь мой и Богъ мой!*

То, что мы на обычномъ житейскомъ языкѣ называемъ «сомнѣнїемъ», имѣетъ весьма сложную природу. Есть сомнѣнїе, которое служитъ зловѣщимъ знаменїемъ полного безплодїя душевной жизни, потери, и безвозвратной, чувства здраваго смысла, и есть сомнѣнїе, которое, какъ масличная вѣтвь вернувшейся въ ковчегъ голубицы, даетъ отрадную вѣсть о томъ, что душа омылась, отеклась отъ стараго, готоваго возродиться и вступить на

новый путь. То же самое нужно сказать и относительно болѣе узкой области сомнѣнія религіознаго. Штирнеръ иронически обозвалъ Фейербаха «благочестивымъ» атеистомъ. И дѣйствительно, въ своемъ упрямомъ, но мучительномъ, искреннемъ богоборчествѣ онъ былъ по своему благочестивъ, потому что боролся съ Богомъ, ища Воже-ство и призывая Его въ эту жизнь; но только онъ не сумѣлъ во время прекратить эту борьбу.

Если къ кому слѣдуетъ отнести великія слова Христа о томъ, что даже хула на Сына Божія можетъ быть прощена человѣку, то только къ «благочестивымъ» атеистамъ, которые мучились идеей Бога во всю свою тяжелую жизнь. Но есть атеизмъ иного рода; онъ является результатомъ мрачнаго обожествленія своего я, своихъ страстей и эгоистическихъ стремленій. Долго нужно заглушать въ себѣ ростки добра и голосъ совѣсти, чтобы дойти до такого состоянія, но оно все же возможно. Здѣсь — смерть личности, какъ образа Божія, призваннаго къ духовному совершенствованію; здѣсь — «хула на Духа Святаго», т. е. упрямое и безповоротное отреченіе отъ духовныхъ принциповъ и запросовъ жизни.

Сомнѣніе Оомы разрѣшилось восторженнымъ: «Господь мой и Богъ мой!» Это было сомнѣніе возрожденія, а не косности; чрезъ такое «горнило» испытанія должна была пройти вѣра всѣхъ апостоловъ, что зависѣло, прежде всего, отъ ихъ личнаго опыта, отъ ихъ особенной близости къ Спасителю. Это можетъ показаться страннымъ, но это дѣйствительно такъ. У Ив. С. Тургенева есть замѣчательный этюдъ — «Христосъ».

«Я видѣлъ себя юношей, пишетъ Тургеневъ, почти мальчикомъ въ низкой деревенской церкви. Красными пятнышками теплились предъ старинными образами восковыя тонкія свѣчи. Радужный вѣдчикъ окружалъ каждое маленькое пламя. Темно и тускло было въ церкви. Народу стояло гредомною много. Все русыя крестьянскія головы. Отъ вѣсмени до времени онъ начинали колыхаться, падать, подниматься снова, словно зрѣлые колосья, когда по нихъ медленно волной пробѣгаетъ лѣтній вѣтеръ».

«Вдругъ какой-то человѣкъ подошелъ сзади и сталъ со мною рядомъ. Я не обернулся къ нему, но тотчасъ почувствовалъ, что этотъ человѣкъ — Христосъ. Умиленіе, лю-

боятство, страх разом овладѣли мною. Я сдѣлалъ надъ собою усилие и посмотрѣлъ на своего сосѣда. Лицо какъ у всѣхъ,—лицо похожее на всѣ человѣческія лица. Глаза глядятъ немного ввысь, внимательно и тихо; губы закрыты, но не сжаты; небольшая борода раздвоенна. И одежда на немъ, какъ на всѣхъ. «Какой же это Христось», подумалось мнѣ. «Такой простой, простой человѣкъ! Быть не можетъ». Но не успѣлъ я отвести взора отъ того простого человѣка, какъ мнѣ опять почудилось, что это именно Христось стоялъ со мною рядомъ... И опять увидѣлъ то же лицо, похожее на всѣ человѣческія лица, тѣ же обычныя, хотя и незнакомыя черты... Только тогда я понялъ, что именно такое лицо Христа».

Несомнѣнно, что нѣчто подобное переживали и ближайшіе ученики Христовы. Что слово Спасителя дышало особою благодатию и властно влекущую къ себѣ силою, что самый ликъ Его даже въ моменты униженія носилъ черты неземного величія,—доказывать это не приходится. Кто читаетъ евангельскія повѣствованія, тотъ чувствуетъ, что для окружающихъ Спасителя время пребыванія около Него было радостнымъ и свѣтлымъ брачнымъ пиромъ. Потому-то съ такою быстрою рѣшимостью призванные къ апостольству ученики Господни бросали домъ, родныхъ и шли за Нимъ, потому-то такъ быстро рождалась въ нихъ увѣренность, что ихъ Учитель и есть грядущій Мессія. Но постоянная близость ко Христу притупила ихъ восприимчивость къ тому вѣянью благодати, которое шло отъ Него,—лицо Христа для апостоловъ стало казаться такимъ же простымъ лицомъ, какъ у всѣхъ. Въ то же время легко приобрѣтенная вѣра также легко могла разсѣяться.

И вотъ, когда случилось нѣчто для нихъ неожиданное, и Христось былъ взятъ подъ стражу и преданъ суду, въ страхъ и полномъ недоумѣніи разсѣялось «все стадо».—Даже у креста Спасителя Евангелія отмѣчаютъ стоящимъ изъ апостоловъ одного только Іоанна.

Вѣсть о воскресеніи была встрѣчена съ сомнѣніемъ всѣми апостолами. И только омытая и укрѣпленная этимъ испытаніемъ ихъ вѣра возродилась въ великую силу, двигающую горами, готовую на все за имя Христа; точно также, только испытавъ долгими годами время отсут-

ствія жениха, они вполне почувствовали, какимъ необычнымъ, невозвратнымъ временемъ свѣтлаго непрерывнаго пира была для нихъ жизнь со Христомъ. Тома былъ только послѣднимъ изъ увѣровавшихъ, его сомнѣніе было только глубже и упорнѣе, но вѣдь оно возродило его къ новой жизни.

Если на старомъ мѣстѣ необходимо построить зданіе вполне прочное, то нужно раскопать до основанія старое жилище; не нужно оплакивать разрушенія руинъ, ибо хаосъ уступить космосу, мерзость заустѣнія смѣнится красотой. Сомнѣніе губительно только тогда, когда оно касается самой способности человѣка познавать окружающее, когда въ немъ виденъ червь отчаянія въ своихъ силахъ, и умственной и нравственной лѣни, мѣшающей человѣку бодро идти впередъ по пути къ истинѣ и добру. И наоборотъ, сомнѣніе спасительно, разъ оно является отвѣтомъ на голосъ внутренняго чувства, побуждающаго пересмотрѣть свои сокровища и выбросить изъ нихъ истлѣвшій хламъ.

Слушая неземное ученіе Христа, апостолы пропускали его сквозь призму іудейскихъ возрѣній, строили новое зданіе на старомъ фундаментѣ, и вотъ все оно при первомъ же дуновеніи неблагоприятнаго вѣтра обрушилось. — Почему Тома и другіе апостолы не повѣрили воскресенію? Потому, что такой конецъ дѣятельности Мессіи не мирился съ ихъ привычными возрѣніями. Сознанію іудея, какъ это ни странно, была чужда идея первороднаго грѣха и необходимости нравственнаго возрожденія всего человѣчества. — Іудеи мечтали только о надѣленномъ божественнымъ могуществомъ вождѣ, который доставитъ имъ торжество надъ окружающими народами или даже надъ всѣмъ міромъ. — Идея явленія на землю Бога для нихъ поэтому была странной, ненужной идеей. Въ этомъ отношеніи даже малоазіатскіе культы съ ихъ ожиданіемъ искупительнаго подвига и пришествія для этого Бога, были болѣе подготовлены къ принятію христіанства, чѣмъ іудеи.

Нужно было въ корнѣ разрушить это іудейское представленіе о Мессіи—завоевателѣ, предчувствовать тайну Голгофы, или, по меньшей мѣрѣ, почувствовать необходимость нравственнаго возрожденія самаго человѣческаго

сердца, чтобы понять, что никакой человекъ, какою бы силою свыше онъ ни былъ одаренъ, не могъ произвести этого, что для спасенія міра нуженъ былъ Богъ.— Процессъ сомнѣнія у апостоловъ и былъ періодомъ полной ломки старой храмины, вслѣдъ за чѣмъ постепенно началась постройка новой.

Въ наше время люди религіозные, вѣрующіе, слишкомъ боятся сомнѣній и сомнѣвающихся. Сомнѣніе имъ кажется какою-то проказой, которую слѣдуетъ изгнать изъ міра. Это, конечно, потому, что невѣріе нашихъ дней слишкомъ громко, слишкомъ соблазнительно даже для вѣрующаго трубить о своихъ сомнѣніяхъ. Но въ духовной области существуетъ своя «круговая порука», болѣе сильная, чѣмъ юридическое поручительство. Духовная солидарность, по справедливому замѣчанію проф. Тарѣева, крѣпче бытовой. Въ духовной области, если страдаетъ одинъ членъ, съ нимъ страдаютъ и всѣ члены единаго тѣла. Пусть лишь кто-либо одинъ броситъ невѣрующее слово въ лицо міру,—и всѣ уже не могутъ покоиться на традиціи, и на всѣхъ уже лежитъ нравственный долгъ пересмотрѣть вопросъ, подвести подъ истину новый фундаментъ. Появившейся червь сомнѣнія заставляетъ и заставить насъ отвѣтить на вопросы самые смѣлые. Отрѣшенія этихъ вопросовъ, разъ они поставлены, нельзя уклониться; изгнать сомнѣніе изъ міра мысли, послѣ того, какъ оно заговорило, значитъ пресѣчь естественный процессъ духовнаго развитія, сказать вмѣстѣ съ Иисусомъ Навиномъ:— «стой солнце!»

Болѣзнь нашего вѣка, если хотите, не сомнѣніе, а слѣпая вѣра въ разныхъ идоловъ, далекихъ отъ истины. Чѣмъ болѣна наша интеллигенція?— сомнѣніемъ? Нѣтъ, слѣпой и упрямой вѣрой въ поставленнаго Фейербахомъ и Контомъ золотого тельца— «человѣчества». Отчего сузилась, опошлилась идейная жизнь человѣчества, поблекли его идеалы до мѣщанской сытости и смакованія эксцессовъ обостренной чувственности? Оттого, что вѣра въ то, что на землѣ вся жизнь и все счастье человека, такъ слѣпо принятая, чтобы избавиться отъ тяжелыхъ средне-вѣковыхъ видѣній, неизбѣжно должна привести къ моральному мѣщанству. Собственно, современная интеллигенція, западно-европейская и наша русская, повернула отъ

христіанства къ пережитому и давно изжившему себя іудаизму. Нашей интеллигенціи нужно усомниться въ своей слѣпой вѣрѣ въ Фейербаха и Конта, повторившихъ въ сущности іудаистическій идеалъ, но признавъ чело-вѣкомъ всякаго челоуѣка вообще, а не іудея только. Когда зародится это сомнѣніе, только тогда духовное развитіе нашего общества сдвинется съ мертвой точки.

Нашъ народный духъ развѣ также слѣпо не почилъ на традиціи, дошедшей до поклоненія мертвой буквѣ, а богословская мысль, довольствуясь собираніемъ крохъ отъ стола богословской работы минувшихъ вѣковъ, давно уже не дерзаетъ подняться до творческаго отношенія къ своему предмету, какое было въ святоотеческій періодъ. Да, намъ нужна и большая доля «сомнѣнія Оомы», его желанія тщательно осмотрѣть то, что станетъ нашею крѣпкою вѣрою на вѣки. Въ этомъ отношеніи тяжелодумъ и маловѣръ апостольскаго кружка явился бы добрымъ вождемъ для нашего вѣка.

Кир. Тихомировъ.
(Руководство для С. П.).

Православные въ Австріи.

О православныхъ и ихъ незавидномъ положеніи въ Австріи довольно много до сихъ поръ писано, а все таки остается еще много писать, чтобы представить въ полномъ свѣтѣ ихъ положеніе. Я представлю нѣсколько замѣтокъ по этому вопросу, чтобы обратить на это вниманіе общественнаго мнѣнія. На этотъ разъ я намѣренъ остановиться на религіозномъ положеніи нѣсколькихъ десятковъ тысячъ православныхъ въ Австріи, находящихъся внѣ всякаго церковнаго устройства и предоставлен-ныхъ самимъ себѣ въ отношеніи вѣры и духовно-пастыр-скаго служенія. Я разумью здѣсь Австрію въ собственномъ смыслѣ, т. е. цислейтанскую половину австро-венгерской монархіи, не касаясь пока ея транслейтанской половины, т. е. Венгрии съ ея провинціями.

По новѣйшей государственной статистикѣ въ разныхъ провинціяхъ Австріи 670,850 православнаго населенія; изъ нихъ: русскихъ 295,380, румыновъ 243,470, сербовъ 118,080, чеховъ 10,420 и 3500 прочихъ народностей.

Все это число (645,835) православныхъ составляетъ три епархіи со своими епископами: одну въ Буковинѣ и двѣ въ Далмаціи. Прочіе 25,015 православныхъ, находящихся въ разныхъ австрійскихъ провинціяхъ внѣ территоріальныхъ границъ упомянутыхъ двухъ провинцій, не принадлежатъ духовной юрисдикціи ни одного изъ австрійскихъ православныхъ епископовъ, который бы имѣлъ о нихъ духовное попеченіе: не имѣютъ они (за исключеніемъ Триеста) своихъ церквей для богослуженія, не имѣютъ своихъ священниковъ, и слѣдовательно лишены духовно-пастырскаго служенія.

Безчисленны жалобы, съ которыми этотъ народъ еще съ половины прошлаго столѣтія обращался изъ разныхъ городовъ и селеній къ тому или другому изъ православныхъ австрійскихъ епископовъ, представляя, какъ много терпитъ въ своей вѣрѣ безъ духовно-пастырскаго служенія и безъ своихъ церквей и священниковъ, и прося помочь ему въ этой духовной его нуждѣ, изъявляя при этомъ свою готовность на свой счетъ построить нужные храмы.

Объ этомъ не разъ писались замѣтки въ разныхъ газетахъ, даже нѣмецкихъ. На эти жалобы обратили вниманіе епископы, понимая тяжкое положеніе въ религиозномъ отношеніи столь многочисленнаго православнаго народа, и коллективнымъ письмомъ обратились къ вѣнскому правительству, чтобы удовлетворена была духовная нужда народа, чтобы позволено было ему построить свои церкви, и такимъ образомъ положить конецъ аномальному положенію, продолжающемуся столь долго. вмѣстѣ съ тѣмъ епископы предложили, чтобы православные причислены были къ той или другой изъ трехъ существующихъ епархій, и такимъ бы образомъ возможно было бы епископамъ дѣлать распоряженія касательно духовно-пастырскаго служенія. Это было въ 1876 году. Но правительство не сочло нужнымъ обратить вниманіе на просьбу епископовъ и не дало имъ никакого отвѣта ни тогда, ни долгое время послѣ этого.

Въ 1892 году многіе чехи въ Прагѣ обратились въ православную вѣру и начали посѣщать богослуженіе въ русскомъ храмѣ. Это, конечно, не понравилось австрійскому правительству, и оно тогда вспомнило объ упомяну-

томъ письмѣ православныхъ епископовъ и потребовало отъ нихъ формальнаго указанія, которой изъ епархій слѣдовало бы причислить ту или другую мѣстность, гдѣ живутъ православные разныхъ провинцій, не упоминая, конечно, о православныхъ чехахъ въ Богеміи, которыхъ этимъ хотѣлось отвлечь отъ русскаго храма. Епископы не замедлили тотчасъ же отвѣтить правительству и подать ему требуемое увѣдомленіе. Между тѣмъ правительство нашло возможнымъ полицейскими средствами остановить переходъ чеховъ въ православную вѣру. Постигнувъ это, и употребляя строгія средства противъ тѣхъ, которые посѣщали «иностранныя» церкви, правительство не считало болѣе нужнымъ заниматься вопросомъ о разсѣянныхъ православныхъ своихъ поданныхъ, надѣясь, по всей вѣроятности, что въ прочихъ мѣстахъ, гдѣ они находятся, при неопредѣленномъ іерархическомъ положеніи ихъ, они мало по малу обратятся къ римско-католической церкви,—и оставило безъ всякаго рѣшенія предложеніе православныхъ епископовъ.

Оно не дало никакого отвѣта ни на новое посланіе епископовъ въ 1908 году, когда они опять обратились къ нему по тому же вопросу,—такъ что и по настоящее время тысячи православнаго народа живутъ безъ своихъ церквей, которыя не позволяютъ имъ строить, и безъ своихъ священниковъ, и слѣдовательно безъ духовно-пастырскаго служенія. Для крещенія своихъ дѣтей они съ большими издержками должны приглашать священниковъ изъ сосѣднихъ мѣстъ, или просить случайно проѣзжающее духовное лицо исполнить ту или другую потребу; а очень часто случается, что дѣти умираютъ безъ крещенія, точно также какъ безъ церковнаго отиѣванія хоронятъ они своихъ покойниковъ, и за неимѣніемъ священника большею частью вѣнчаются однимъ гражданскимъ бракомъ. Настоящимъ чудомъ нужно признать, что весь этотъ народъ остается еще православнымъ. Мнѣ случилось прошлымъ лѣтомъ побывать въ одномъ мѣстѣ въ Штайермаркѣ, въ которомъ есть нѣсколько православныхъ семействъ, и я не могъ достаточно надивиться, насколько эти люди преданы своей православной вѣрѣ, и тяжело мнѣ было на душѣ слышать, какъ они скорбятъ о неимѣніи своего священника, который бы могъ утѣшать ихъ духовно.

Почему австрийское правительство противится рѣшенію этого вопроса, несмотря на частыя прошенія и жалобы на это со стороны заинтересованных въ дѣлѣ лицъ, очень не трудно отвѣтить. Правительство это не только ультракатолическое, но и въ строгомъ смыслѣ ультрамонтанское, и только и заботится о католической церкви и ея интересахъ. Оно обращаетъ вниманіе на прочія вѣроисповѣданія только тогда, когда на это принуждено общественнымъ мнѣніемъ, или политическимъ расчетомъ; да и это дѣлается съ натажкой и со всеми возможными ограниченіями, чтобы какъ нибудь не обидѣлись римскіе католики, и чтобы имъ не показалось, будто оно покровительствуетъ православію. Въ конкретномъ случаѣ оно не находитъ никакого для себя интереса заниматься и что нибудь дѣлать въ пользу тѣхъ православныхъ австрийцевъ, которые лишены своего духовно-пастырскаго служенія, пытаюсь надеждою, что имъ станетъ слишкомъ тяжелымъ такое ихъ положеніе и они со временемъ сдѣлаются русскими католиками. Такъ оно поступаетъ по своей основной ультрамонтанской политикѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и слушаетъ наущеній католическаго клира, который во всѣхъ интерконфессіональныхъ вопросахъ Австріи имѣетъ рѣшающій голосъ.

Необходимо уже разъ покончить съ ненормальнымъ положеніемъ, въ которомъ въ религіозномъ отношеніи находятся многія тысячи православныхъ въ разныхъ провинціяхъ Австріи, жаждущіе въ православіи духовнаго утѣшенія. Въ этомъ направленіи должны неуклонно и со всею энергіею дѣйствовать предъ вѣнскимъ правительствомъ австрийскіе православные епископы и требовать окончательнаго рѣшенія этого вопроса. Должны же въ то-же время и православные члены вѣнскаго парламента поднять свой голосъ и требовать отъ правительства категорическаго отвѣта, почему оно за столь долгое время ничего не сдѣлало въ пользу того народа, и какъ оно согласуется свой поступокъ съ существующими государственными законами о равноправности всѣхъ, закономъ признанныхъ вѣроисповѣданій.

Православный Австриецъ.
(Церковная Правда).

_____

Чего недостаетъ нашей проповѣди?

Передъ нами «Проповѣдническая христоматія» о. Павла Лахотскаго. Это трудъ, составленный полно и обдуманно. Онъ охватываетъ всю проповѣдническую литературу, кончая современной въ ея лучшихъ образцахъ.

Одна только частность книги вызываетъ недоумѣніе. Ни одного отрывка, ни одного образца изъ области западной проповѣди. Ни старые Боссюэтъ и Вурдалу, ни Берсье и Томе, ни Моди и Спурджонъ, ни Бенедетти не нашли себѣ мѣста въ христоматіи.

Это, конечно, не вина составителя. Онъ очевидно думаетъ, что долженъ былъ дать, сообразуясь съ требованіями нашей школы и тѣми взглядами на формы проповѣди, которые до сихъ поръ считаются незыблемо обязательными.

Но неужели намъ уже совсѣмъ нечему поучиться въ области проповѣдничества у тѣхъ, кого «для чтенія» мы съ удовольствіемъ переводимъ. Можетъ быть на самихъ русскихъ проповѣдникахъ отразились въ достаточной степени вліянія чужихъ «учителей». Такъ что мы черезъ посредство своихъ можемъ внести въ строеніе проповѣди то доброе, что есть въ проповѣди запада.

Увы—если судить по христоматіи о. Лахотскаго—ничего или почти ничего изъ того, что дѣлаютъ проповѣди Берсье или Спурджона живыми и жизненными, не принято или не усвоено нами. Нѣтъ сомнѣнія—мы не остановились неподвижно на одной и той же точкѣ. Появляются формы рѣчи, не похожія на старыя, прорывается кое-гдѣ въ видѣ исключеній дерзость свободнаго, необрѣзаннаго по требованію «помазанія», слова, живая иллюстрація.

Мертвенность старыхъ формъ, даже въ филигранномъ истинно кружевномъ плетеніи такого великаго мастера слова, какъ Филареть, кажется уже сознана. Среди собраннаго о. Лахотскимъ матеріала есть бесѣды, о которыхъ можно сказать, что они совсѣмъ «непроповѣдь», такъ свободны они отъ кабалы мертвой и убивающей теоріи нашей гомилетики.

Но гдѣ это и когда?
Только въ своего рода лекціяхъ по вопросамъ отвлеченнымъ, философски-догматическимъ, въ проповѣдяхъ

съ университетской кафедры (Архіеп. Амвросій, проф. Сергіевскій, о. Бѣликовъ). Но даже и въ этихъ свободныхъ проповѣдяхъ вы не найдете отзвуковъ живыхъ настроеній дня, живыхъ именъ, никакихъ слѣдовъ живой литературы.

Это—все «отъ лукаваго».

И имя Либкнехта, случайно попавшее на страницы проповѣди одного изъ современныхъ высшихъ іерарховъ, кажется ошибкой корректора, какъ справка изъ курса психіатріи—у одного оратора.

Повидимому право говорить просто человѣческимъ языкомъ, не укладывая слово въ прокрустово ложе схемы,—это все, что завоевала наша проповѣдь. Нѣтъ духа, нѣтъ быта, нѣтъ жизни—вотъ что дѣлаетъ нашу проповѣдь «кимваломъ бряцающимъ».

Нѣтъ духа.

Нѣтъ вдохновенія, не чувствуется автора, его лица. Исключеніе составляютъ развѣ субъективныя проповѣди о. Іоанна Сергіева, но субъективизмъ его дневниковъ въ проповѣдь прорывается рѣдко, робко и конфузливо.

Я не скажу, что нѣтъ вдохновенія безусловно. Оно было и есть, конечно, и у изящнѣйшаго Филарета и у лирика Иннокентія и у Доната Литовскаго. Еще болѣе можетъ быть въ проповѣдяхъ Іоанна Смоленскаго—этого страннаго исключенія въ исторіи нашей проповѣди. Но это вдохновеніе келліи, рожденное во время писанія проповѣди, а не вдохновеніе, которое приходитъ передъ лицомъ, отъ него берется и властно его заражаетъ. Вы не найдете здѣсь строкъ, которыя были бы результатомъ Духа, коснувшася пропоповѣдника, во время проповѣдническаго слова.

Легко представить, что такое былъ Саванарола, когда читая фразу: «Вотъ я наведу потопъ на землю...» онъ остановился въ испугѣ и повторилъ эту фразу въ ужасѣ, подчиняя рѣчь охватившему душу смятенію. Или когда онъ среди проповѣди воскликнулъ въ ужасѣ съ раскрытыми глазами: «Вижу мечъ, висящій надъ Флоренціей». Онъ не ожидалъ самъ, что онъ увидитъ—грозная воды потока или висящій мечъ, но онъ говорилъ всегда, допуская и ожидая откровенія на каедрѣ.

И оно приходило. Это былъ плодъ «свободной отдан-

ности» слову. И понятно дѣйствіе, которое это слово производило.

Читайте томы нашихъ проповѣдей.

Вы напрасно бы стали искать здѣсь слѣдовъ живого общенія съ слушателями—захватъ оратора своимъ словомъ.

Они здѣсь есть только на тѣхъ страницахъ, которыя взяты изъ далекаго прошлаго—у св. отцевъ, главнымъ образомъ у Златоуста.

И здѣсь, только здѣсь вы найдете объясненіе, почему на эту рѣчь даже полтора тысячелѣтія не наложили печати мертвенности.

Оно въ томъ, что Златоустъ не выдумываетъ темъ, отыскивая ихъ въ старыхъ свиткахъ прежнихъ проповѣдниковъ, а беретъ ихъ у жизни. Его рѣчь продиктована событіями и настроеніями дня, отражаетъ ту жизнь, какой дѣйствительно живетъ въ эти дни площадь, рынокъ, улица, семья.

Златоустъ движется въ области живого быта.

Вотъ для образца двѣ три иллюстраціи.

Онъ открываетъ проповѣдь тѣмъ, что передъ собой видитъ.

«Смотри, — говоритъ онъ, — какъ въходить сюда богатый мужчина или богатая женщина? Не забывается о томъ, чтобы слушать слово Божіе, а о томъ, чтобы показать себя, чтобы съ величавостью и великою гордостью занять здѣсь мѣсто, чтобы превзойти всѣхъ прочихъ великолѣпіемъ одежды, а равно и своей наружностью... Вся забота женщины состоитъ въ томъ—видѣла ли ее такая-то? Удивлялась ли она ей? Хорошо ли она одѣлась? Какъ бы не измялось, не изорвалось ее платье? И въ томъ только и состоитъ вся ее забота. Подобнымъ образомъ входитъ и богатый мужчина, имѣя намѣреніе показать себя бѣдняку, привести его въ страхъ богатствомъ одеждъ своихъ и тѣмъ, что онъ имѣетъ множество слугъ, и тѣ стоятъ около него, отгоняя толпу¹⁾».

«Поникши къ землѣ» — обличаетъ Златоустъ.— «идетъ юноша, которому надлежало бы мудрствовать по небесномъ. Тщеславится своими сапогами болѣе, чѣмъ какою нибудь важною заслугою; едва ступаетъ по торжищу, самъ себѣ причиняя напрасныя печали и огорченія, — боясь, какъ бы въ ненастьѣ не замарать сапоги грязью,

¹⁾ Бес. на пс. 150.

а въ лѣтнее время не запылеть»¹⁾). Развѣ это не художественная картина быта?

Или другая иллюстрація:

Говоря о поклоненіи волхвовъ, пришедшихъ ко Христу изъ далекихъ странъ, Златоустъ сравниваетъ это событіе, для контрасту, съ посѣщеніемъ зрѣлищъ, вмѣсто храма, — тѣмъ самымъ обращаясь къ чувству слушателей. Указавъ затѣмъ на бесѣду съ Самарянкой, когда Христосъ просилъ пить и Самъ указалъ ей на воду живую, и замѣтивъ, что у насъ Христосъ просить пить, только не воды, а святыни, и намъ источаетъ кровь живую, — продолжаетъ: «А ты, оставивъ источникъ крови, сію страшную чашу, течешь на дьявольскій источникъ сморѣть плавающую въ немъ блудницу и потопить тамъ свою душу...»

И рисуетъ далѣе зрѣлище, описаніе котораго онъ увидѣлъ по пути въ храмъ на объявленіяхъ цирка. А его тонъ въ отношеніи къ тѣмъ, кому онъ говоритъ, его «живая» власть.

«Я увѣщаваю и приказываю, читаемъ въ одной бесѣдѣ: эти украшения для лицъ и эти сосуды сокрушить и раздать бѣднымъ и не безумствовать такъ. Приказываю и объявляю: кто хочетъ, пусть слушаетъ, кто не хочетъ, пусть не исполняетъ. Пусть, кто хочетъ, видитъ отъ меня; кто хочетъ, осуждаетъ, я никому не буду полагать. Если вы будете продолжать такую жизнь, я не потерплю болѣе, я не приму васъ, не позволю переступить этотъ порогъ».

Или его обращенія къ слушателямъ.

«Ты расхохоталась, развеселилась? Приведи себя на мысль рыданіе Павла» — говоритъ онъ очевидно въ толпу.

— Всѣ его рѣчи — живая бесѣда, живыя картины жизни: они взяты съ улицы, а не выдуманы въ кабинетѣ.

Но чтобы глубоко входить въ жизнь и ее настроенія, нуженъ гений Златоуста. Чтобы ярко описать психологическія настроенія и запросы слушателей, нужно художественное проникновеніе и широкое знакомство съ жизнью. И это вѣрно.

— Однако есть одно средство, которое могло бы помочь ввести живую струю въ проповѣди тѣхъ, кто не имѣетъ

¹⁾ Бес. на Мс. 49.

умѣнья и силъ наблюдать и обобщать. Отчего такъ мало вниманія къ литературѣ, къ ея теченіямъ: вѣдь литература голосъ дня. И прежде всего, отчего не взять у литературы ея манеры рисовать жизнь, какъ живую движущуюся картину. Развѣ драматическая сцена встрѣчи Ап. Павла съ Онисимомъ въ тюрьмѣ (Берсъе) способны шокировать, оскорблять достоинство церковной каѳедры? Развѣ Златоустъ, какъ мы сказали, не рядъ картинъ? А кромѣ того, почему не ввести въ проповѣдь живыя иллюстраціи изъ самой литературы, изъ поэзіи старой и современной? Это было бы не просто украшеніемъ новой привлекающей вниманіе формой рѣчи, а именно тѣмъ сближеніемъ проповѣди съ дѣйствительною жизнью современной души, ея запросами и муками, которое только и можетъ освободить проповѣдь отъ ея затхлости, блужданія среди общихъ мѣстъ.

Неужели это преступно и неудобно? Это не казалось неудобнымъ даже пятнадцать или двадцать вѣковъ тому назадъ. Поэтозъ цитируетъ ап. Павелъ (Дѣян. 17, 28, Кор. XV, 33). Св. Григорій Богословъ цитируетъ Платона, Хризиппа, перипатетиковъ, беретъ цѣлыя стихи изъ Гомера (Твор. 1 ч. 147), рассказываетъ легенды о перстѣ Гилеса и шлемѣ Аида и т. д. Св. Василиій Великій цитируетъ Гезіода и прямо приказываетъ принимать въ руководство то, что есть добраго у Гомера, Еврипида, Платона, указывая и то, что въ нихъ нехорошо. Теперь стали пользоваться литературнымъ матеріаломъ для внѣбогослужебныхъ лекцій, рефератовъ. Почему же не для проповѣди?

Читайте Бурграфъ.

Вотъ интересный типъ проповѣдника, который всѣ проповѣди строить на литературной основѣ.

На его примѣрѣ можно видѣть, какой богатый матеріалъ можетъ дать литература при обдуманномъ серьезномъ выборѣ. Но ему посвящаемъ мы особый очеркъ! М.

СКОРБНАЯ СТРАНИЦА.

Изъ дневника сельскаго священника.

Сынъ мудрый радуеть отца, а сынъ глупый — огорченіе для его матери, — такую вѣчную правду вѣщаетъ намъ книга Притчей (X, 1). Плачеть наша общая мать Церковь Христава о погибающихъ чадахъ своихъ, чадахъ злонаравныхъ. Упадокъ здравыхъ понягій въ людяхъ, непомѣрный ростъ хулиганства въ мирныхъ еще недавно селахъ, не-тяжкія ли раны это для церкви, не муки ли душевныя для сельскаго пастыря, бдящаго о душахъ пасомыхъ.

Я, пишущій эти строки, не разъ переживалъ страданія души. Сколько разъ непотребныя дѣла моихъ духовныхъ дѣтей доставляли мнѣ сильнѣйшія нравственныя муки! Хулиганство, какъ червь, незамѣтно подтачивало нравственную жизнь моего прихода, мѣшая успѣшности пастырской работы. И все это дѣлалось исподтишка, исподволь время отъ времени. Мацковцы пользовались славою мирнаго прихода съ прекрасно настроенными, добрыми людьми. И я пошелъ сюда, надо сказать, съ великою охотою. Но перебравшись сюда и ознакомившись поближе съ жизнію села, я скоро же убѣдился, какъ вѣрны были эти хорошіе отзывы. Незадолго до моего прибытія, Мацковчане звѣрскимъ самосудомъ убили семейство цыганъ, не пощадивъ даже женщинъ. И что всего ужаснѣе: напали на несчастныхъ на дорогѣ, когда тѣхъ везли въ становую квартиру изъ волости. Остановя подводы и немногочисленныхъ конвойныхъ, люди-звѣри набросились на арестованныхъ по подозрѣнію въ кражѣ, и... растерзали ихъ. Это извѣстіе, услышанное мною сейчасъ же по прибытіи на приходъ, меня какъ бы пришибло. Много труда предстояло для исправленія «хорошихъ» людей. И по мѣрѣ возможности я началъ трудиться, радуясь всякому и маленькому благому результату своихъ трудовъ.

Время шло. Много отрадныхъ стогонъ нравственной жизни стало замѣчаться въ приходѣ. Но вѣчная міровая борьба добра со зломъ чувствовалась все таки и здѣсь. Весьма многимъ моимъ хорошимъ намѣреніямъ не сужде-

но было сбыться: «добрые» люди мѣшали. Кучка злыхъ людей мѣтила приходить, подбивала и хорошихъ не слушать меня и причиняла мнѣ пакости, какія долго мнѣ не придется забыть. Но помощь Божія была со мною, и я, радуясь благимъ плодамъ, часто забывалъ ту боль души, какую причиняли мнѣ здѣшніе хулиганы.

Все какъ будто бы обстояло благополучно. Мои прихожане казались мнѣ сыномъ мудрымъ, радующихъ своего отца, о которомъ говорить великій писатель. Притчей. Но текущій годъ преподнесъ ужасныя неожиданности, отъ которыхъ сердце кровью обливается.

Въ началѣ Рождественскихъ святокъ 1912 года было отравлено семейство одного богатаго домохозяина Лаврентія Юра. Человѣкъ молодой, съ образованіемъ мѣстной церковной школы, онъ былъ надиво одаренъ богатыми дарами отъ Бога. Бывало, заслушаешься его разумныхъ логическихъ рѣчей. Я съ удовольствіемъ всегда бесѣдовалъ съ нимъ. Трезвый, честный, бережливый и отстаивавшій усердно каждую свою копейку. Его очень не любили. Люди честные находили его хорошимъ, а злые и пьяницы, расточавшіе свое добро, его ненавидѣли. Но какъ ни проявляло себя хулиганство, я все же не допускалъ мысли, что семейство это станетъ жертвою его.

Началось съ отравленія. Всѣ святки семейство Л. Юра промучилось невѣдомой болѣзью. Попощь медицинскую нужно было искать на сторонѣ и систематическаго лѣченія по тѣмъ или инымъ причинамъ трудно было имѣть. Однако отецъ семейства и дѣти остались въ живыхъ, а молодая хозяйка умерла въ сильныхъ мученіяхъ. Тѣмъ не менѣе отравленіе все же не предполагалось, какъ фактъ, домашними и сосѣдями, но загадочность смерти молодой, здоровой женщины вседила во мнѣ подозрѣнія, и я далъ толчокъ къ слѣдствію, которое въ итогѣ работъ своихъ установило несомнѣнный фактъ отравленія.

Болью сжалось мое сердце. Гнусное преступленіе, которое едва не погубило цѣлаго семейства, было связано съ великимъ праздникомъ явленія въ міръ Солнца правды— Христа Бога. Какая сатанинская злоба, какое

поруганіе религіи христіанской и праздниковъ! Какъ еще глубоко испорчены сердца моихъ прихожанъ!

Но впереди ожидалось еще худшее. Пришла Пасха. Въ мою церковь было пожертвовано два цѣнныхъ священническихъ облаченія. Недурно пѣлъ хоръ, который удалось таки наладить послѣ свыше 4-лѣтнихъ усилій. Церковь переполнена была молящимися. Чувствовалось, будто злые инстинкты заглохли; все дышало миромъ. За Богослуженіями въ первый день былъ въ церкви и Лаврентій, котораго въ Великій Четвертокъ я приобщалъ на литургіи Св. Тайнъ, а въ Великую субботу былъ у него въ домѣ съ предпраздничной молитвой; его я, въ каждое изъ свиданій съ нимъ, наставлялъ въ несеніи креста вдовства и воспитанія малютокъ.

И вдругъ утромъ второго дня, собираясь идти къ литургіи, узнаю, — Лаврентій убитъ. Вчера, въ первый день праздника, прійдя отъ вечерни, онъ, управившись съ домашнимъ хозяйствомъ, собирался спать. Было часовъ около 11 вечера. Вдругъ въ окно раздался выстрѣлъ и Лаврентій упалъ, обливаясь кровью. Зарядъ угодили весь въ лѣвый бокъ и, промучившись часа два, Лаврентій скончался.

Какъ громомъ поразила меня эта вѣсть. Съ горькимъ чувствомъ въ душѣ я побрелъ въ храмъ Божій. Оканчивается литургія, которую я совершалъ чуть не сквозь слезы. Знаю, ждуть мои духовныя дѣти привѣтственнаго слова. Что я скажу имъ? А происшедшее заставляетъ сказать. Промолчать?—Боже сохрани! Но, о Боже! лучше бы не говорить такъ въ сіи свѣтлые, святые дни. И я началъ послѣ обычнаго отпуста приблизительно такъ:

—Когда Господа Иисуса Христа распяли, наступалъ праздникъ жидовской Пасхи. Но совершая Богоубійство, евреи очень спѣшили. Почему спѣшили? Чтобы не застигнуть ихъ праздникъ. Евангелистъ Іоаннъ такъ объ этомъ говорить: «но какъ тогда была пятница, то іудеи, дабы не оставить тѣлѣ на крестѣ въ субботу (ибо та суббота была день великій), просили Пилата, чтобы перебить у нихъ голени и снять ихъ (Ев. Іоан. XIX, 31), т. е. перерѣзать жилы, поскорѣе кончить

жизнь распятымъ и похоронить ихъ. А затѣмъ уже, кончивъ дѣло, праздновать спокойно.

Сердце православнаго христіанина отъ всего этого содрогается. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, какъ можно наканунѣ праздника идти прекращать жизнь человѣку, какъ можно, собираясь праздновать, убивать человѣка, и какое спокойствіе можетъ имѣть въ праздникъ человѣкъ, совершивъ убійство? Намъ все это должно казаться страшнымъ. Но вѣдь то ветхозавѣтное время было временемъ очень жестокимъ. Убивали людей за малѣйшее преступленіе. Воздавали тогда непременно зломъ за зло. Пощады никому не было. «Да не пошадить глазъ твой: душу за душу, глазъ за глазъ, зубъ за зубъ, руку за руку, ногу за ногу. Какой кто сдѣлаетъ вредъ ближнему своему, тѣмъ должно отплатить ему (Второз. XIX, 21). Такъ предписывали законы Моисея.

—Все таки, то страшное дѣло, которое совершили Иудеи, безвинное убійство Христа Спасителя въ преддверіи праздника, та лютая злоба, которая послала воиновъ перебивать голени распятымъ, и для того времени, не знавшаго пощады, были фактомъ нечеловѣческой лютой.

—Но съ отмѣной Ветхаго Завѣта, людямъ преподаны были законы челоѣколюбія: «Вы слышали, что сказано? око за око и зубъ за зубъ (Исх. XXI, 24), провозгласилъ Христосъ Спаситель,—а Я говорю вамъ: не противься злomu. Но кто ударить тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую: и кто захочетъ судиться съ тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду (Ев. Мѣ., V 38—40). Пренняя жестокость осуждена и должна исчезнуть. И мы—люди Новаго Завѣта, Завѣта великаго мира и любви къ врагамъ. Мы обязаны исполнять повелѣнное Христомъ Спасителемъ. О томъ, какъ мы должны вести себя, напоминаетъ намъ и Святое Евангеліе и прекраснѣйшее наше церковное богослуженіе. Оно учитъ насъ, какъ должно вести себя и каждый день и особенно въ праздники. Вчера вы слышали, братіе, на утреннемъ и вечернемъ Богослуженіи трогательную пѣснь: Воскресенія день и просвѣтимся торжествомъ и радостію другъ друга обьемемъ, рцемъ: братіе и ненавидящимъ насъ простимъ вся вос-

кресеніемъ. Обнимемъ другъ друга, простимъ ради великаго дня Воскресенія и ненавидящимъ насъ и вмѣстѣ согласно, единымъ сердцемъ и устами воскликнемъ: Христось воскресъ изъ мертвыхъ.

—Такъ и должно быть между нами. «Потому узнають всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою (Ев. Іоан. XIII, 35).

— Да, такъ и должно быть. Но такъ ли среди васъ, прихожане сего святаго храма? Какъ вы праздновали святѣйшей изъ праздниковъ Пасху, какъ провели вы вчерашній великій день Воскресенія, къ которому готовились цѣлонощнымъ бдѣніемъ? Охъ, я знаю какъ, но лучше бы мнѣ не знать сего. Идя въ церковь сегодня, я узнаю, что вчера вечеромъ неизвѣстный злодѣй черезъ окно изъ ружья убилъ нашего прихожанина, Лаврентія Юра...

—Братіе! Да что же это такое?! До чего мы дожили?! Такъ страшно поругались надъ Христомъ, принесшимъ на землю любовь! Такъ осквернили великій день Воскресенія! Такъ-то вы обнимали съ любовью другъ друга! Такъ-то прощали ненавидящимъ насъ! Гдѣ наша совѣсть?

—Кому угодились? Жидамъ ли? Но и тѣ оказываются лучше. Они не въ самый праздникъ посылали прикончить распятыхъ на крестахъ, а наканунѣ. Они, лютые, жестокіе, и то сознавали, что «та суббота былъ день великій» (Ев. Іоан. XIX, 31.) А у насъ убиваютъ человѣка въ самый первый день праздника. Запишите это въ душахъ вашихъ! На такое злодѣяніе не рѣшились бы Іудеи.

—Кому угодились? спрошу васъ. Сатанъ, ибо нѣтъ его лютѣе— „Онъ былъ человѣкоубійца отъ начала» (Ев. Іоан. VIII, 34.). О горе! Намъ судьями будутъ даже невѣрные іудеи: ибо и они въ самый праздникъ не убивали.

—Охъ, Боже мой, Боже! Слово нѣтъ изобразить злодѣяніе. Сердце мое, пастыря вашего, разрывается. Я не могу прійти въ себя отъ ужаса, какъ дѣти мои духовные праздновали Святую Пасху. Многое я имѣю сказать вамъ и еще, но это потомъ. Приготовьте ваши сердца

къ сокрушенному сознанию непотребства, какое вы творите вообще въ праздники, пріймите обличеніе.

А теперь? Ужасъ событія внушаетъ мнѣ укрѣпить въ сердцахъ вашихъ память злого дѣла, да горечь сознанія приведетъ ваши сердца къ искреннему покаянію въ злыхъ дѣлахъ. Сейчасъ я держу въ рукахъ св. крестъ. Но къ цѣлованію его не допущу васъ. Между вами, быть можетъ, стоитъ и убійца. Пусть же онъ не прикасается своими скверными устами къ святѣйшему древу креста. Я знаю, онъ въ другое время можетъ подойти къ нему, но пусть хоть теперь, въ великій день Пасхальный, не оскверняетъ крестъ святой его мерзкими устами.

— Не говорите никто: неповиненъ я въ семъ. Всѣ мы повинны. Убійца наложилъ на всѣхъ насъ пятно позора. Ибо если бы всѣ прочіе изъ насъ держались стези благочестія, устыдился бы сей, извергъ изъ среды нашей, пролить кровь въ день воскресенія. И о нашихъ преступленіяхъ противъ Бога и совѣсти я имѣю говорить вамъ еще.

— А теперь слезы не даютъ мнѣ продолжать рѣчи. Мнѣ, какъ пастырю, сугубо больно и жаль погибающихъ чадъ. И отъ меня сіе възыщется. И скорбь объемлетъ меня. Никакихъ слезъ не достанетъ достойно оплакать страшное сіе событіе. И я восклицаю лишь съ прор. Іереміею: « О кто дастъ головѣ моей воду и глазамъ моимъ источникъ слезъ », чтобы я плакалъ бы день и ночь » (Іер. IX, 1).

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе моей рѣчи.

Со мною плакали многіе изъ молящихся. И это все пока какъ результатъ увѣщанія. Убійца пока не обнаруженъ. Тѣло убитаго 16 Апрѣля торжественно предано землѣ.

Горько, горько мнѣ. Кому повѣмъ печаль мою. Я не могу не подѣлиться своимъ горемъ съ собратьями по пастырскому поприщу.

Какъ бдительно нужно стоять на Божественной стражѣ (Авв. II, 1) овецъ Христова стада.

Не воздай же мнѣ, Господи, по дѣламъ моимъ, не възыщи съ меня душъ заблудшихъ! Какой ствѣтъ дамъ тебѣ я, Боже! Какія слезы принесу тебѣ въ покаяніе!

Страшно за будущее. Хулиганство съ неслыханною дерзостью идетъ впередъ. И вотъ—вотъ уже считаешь зло потушимъ, какъ вдругъ внезапно оно возгорается. Да и какъ еще!

Въ борьбѣ съ хулиганами священникъ пока одинъ.

Въ печати промелькнуло извѣстіе, что на борьбу съ хулиганствомъ рѣшили дѣятельно выступить. И въ Св. Синодѣ по этому вопросу идутъ работы.

Дай-то Богъ!

Мнѣ припоминается рѣчь одного миссіонера на IV Всероссийскомъ съѣздѣ въ г. Кіевѣ, укоряющая: «у насъ раздаются возгласы, что мечъ кесаря недостаточно насъ опекаетъ». Правъ ли онъ?

Не знаю. Но вижу и по себѣ чувствую, что священникъ пока одинъ. А одинъ въ полѣ не воинъ—говорять.

Пока, братья-пастыри, силотимся въ единомысленной работѣ.

Съ нами Богъ! Помоги намъ, Господи, въ борьбѣ.

Упокой въ селеніяхъ праведныхъ павшихъ безвинно отъ руки хулигановъ!

Упокой со святыми и душу раба Твоего Лаврентія, павшаго отъ руки хулигана въ день Твоего возстанія изъ гроба.

Священникъ Григорій Корсунъ.

Къ вопросу о наградахъ духовенству.

Высочайшимъ указомъ, даннымъ Сенату 21 февраля 1913 г., Государь Императоръ, кромѣ другихъ различныхъ милостей, соизволилъ даровать особую милость состоящимъ на государственной и общественной службѣ, именно: увеличеніе числа наградъ и сокращеніе наградныхъ сроковъ. Милость эта, согласно объявленному опредѣленію Св. Синода, распространяется и на духовенство. Въ виду указаннаго Синодальнаго опредѣленія, Епархіальнымъ Начальствомъ сдѣланы представленія въ Св. Синодъ о награжденіи также и священниковъ.

Кромѣ гражданскихъ наградъ (орленовъ), достойные священники представлены также и къ духовнымъ наградамъ: камилавкѣ, наперсному кресту, сану протоіерея.

Также священники, достойные того, по непосредственному распоряженію Епархіальнаго Начальства, будутъ награждены набедренникомъ, скуфіею. Такъ что мы, священники, можемъ быть спокойны, достойные изъ насъ получаютъ награды соразмѣрно своимъ заслугамъ.

Но мнѣ хотѣлось бы обратить вниманіе на низшихъ членовъ причта, нашихъ прямыхъ помощниковъ по службѣ, именно на діаконовъ и псаломщиковъ, и въ особенности на тѣхъ изъ нихъ, которые вмѣстѣ со своими прямыми обязанностями несутъ еще нелегкій трудъ учительства въ церковныхъ школахъ. Слѣдовало бы не забыть и ихъ, и достойныхъ изъ нихъ приобщить къ юбилейнымъ милостямъ.

По установившейся практикѣ низшіе члены причта, діаконы и псаломщики, почти совсѣмъ не представляются къ награжденію медалями (исключая за выслугу 50 лѣтъ и за 10 лѣтъ учительства). Просматривая въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ списки награжденныхъ по духовному вѣдомству, кого только не найдешь въ нихъ! Начиная купцами, старостами, членами попечительства и до разныхъ курьеровъ, швейцаровъ и дворниковъ! Всѣ они награждаются различными медалями, но не найдешь въ спискахъ ни одного псаломщика и очень рѣдко діакона. Спрашивается, неужели служба діакона и псаломщика менѣе полезна церкви и государству, чѣмъ служба разныхъ дворниковъ и вахтеровъ.

Слѣдовало бы обратить на это вниманіе и, хотя бы въ память 300 лѣтія благополучнаго Царствованія Дома Романовыхъ, представить достойнѣйшихъ къ награжденію медалями.

Кромѣ сего необходимо сказать о награжденіи ихъ спеціально духовными наградами. Духовная награда для діаконовъ и псаломщиковъ одна—рукоположеніе въ санъ священника и діакона.

По существующему въ нашей епархіи порядку, —чтобы діакону получить санъ священника, а псаломщику—діакона, нужно выдержать особый экзаменъ, и только выдержавшіе экзаменъ рукополагаются.

Въ большинствѣ случаевъ это бываетъ такъ: псаломщикъ (второкласникъ, изъ духовнаго училища, 1-2 кл. Семинаріи), прослуживши на приходѣ года 4—5 и соб-

равши рублей 150—200, беретъ себѣ лѣтомъ отпускъ и ѣдетъ въ Полтаву къ извѣстнымъ «профессорамъ». Тѣ за солидную мзду, мѣсяца въ 2—3 успѣваютъ кое-какъ набить ему въ голову вершки изъ катихизиса, устава и др. предметовъ, требуемыхъ программами. Съ этимъ легковѣснымъ багажемъ, который чрезъ полгода совсѣмъ выйдетъ изъ головы, псаломщикъ идетъ въ Экзаменаціонную Коммисію и благополучно выдерживаетъ экзаменъ, послѣ чего и рукополагается во діакона, а прослуживши года 3—4 діакономъ, такимъ же образомъ получаетъ и санъ священника.

А псаломщикъ, прослужившій безпорочно достаточное число лѣтъ, учительствующій въ церковной школѣ, организующій и управляющій хоромъ, исправно ведущій все письмоводство по приходу, но почему либо не могущій подготовиться къ экзамену (въ большинствѣ случаевъ изъ-за недостатка времени, которое почти все отдаетъ службѣ по школѣ и приходу), такъ и остается вѣчнымъ псаломщикомъ.

Между тѣмъ у насъ есть очень много псаломщиковъ и діаконовъ, которые учительствуютъ въ церковной школѣ года по четыре и болѣе, абсолютно безмездно, не получая ни копѣйки за свой нелегкій трудъ, часто даже употребляя свои небольшія средства на покупку различныхъ учебныхъ пособій для школы, какъ-то: нотныхъ азбукъ для учениковъ, нотъ, методикъ и др. Нѣкоторые, кромѣ того, принимаютъ на себя и хозяйственную часть школы, напр. отопленіе.

Правда, года два тому назадъ состоялось постановленіе Съѣзда церковно-школьныхъ дѣятелей, утвержденное Высокопреосвященнѣйшимъ Владыкою Назаріемъ, о награжденіи псаломщиковъ и діаконовъ, прослужившихъ 5 лѣтъ въ должности учителей церковной школы, саномъ діакона и священника, по представленію уѣзднаго Отдѣленія. Но это постановленіе, насколько мнѣ извѣстно, мало проводится въ жизнь.

Посему справедливымъ было бы, въ память 300 лѣтняго юбилея, обратить на указанныхъ выше учителей—псаломщиковъ и діаконовъ вниманіе и возвести достойнѣйшихъ изъ усердныхъ труженниковъ въ санъ діакона и священника безъ особаго экзамена.

Особенно нужно обратить вниманіе на низшихъ членовъ причта, трудящихся въ школахъ безъ всякаго вознагражденія, и рукоположеніемъ ихъ въ санъ діакона или священника, безъ экзамена, тѣмъ самымъ поощрить ихъ къ еще большимъ трудамъ на пользу церкви и церковной школы. Если и встрѣтятся затрудненія (легко преодолимые) при награжденіи діаконівъ саномъ священника (отсутствіе свободныхъ приходовъ), то къ награжденію достойныхъ учителей-псаломщиковъ саномъ діакона никакихъ затрудненій нѣтъ, такъ какъ псаломщики обыкновенно рукополагаются въ санъ діакона „на занимаемое псаломщическое мѣсто“.

Такія лица могли бы представляться къ награжденію Уѣздными Отдѣленіями, а также, мнѣ кажется, слѣдуетъ предоставить право имъ самимъ ходатайствовать о возведеніи въ санъ. Кромѣ того, ввиду Высочайшаго указа, о сокращеніи наградныхъ сроковъ, слѣдовало бы уменьшить на одинъ годъ пятилѣтній срокъ, установленный съѣздомъ церковно-школьныхъ дѣятелей.

Свящ. *Іаковъ Станиславскій.*

Свящ. Григорій Барзиловичъ и Ѣ. Ѣ. Барзиловичъ

готовятъ къ осеннимъ экзаменамъ на званіе учителя, въ учит. институтъ, на псаломщ. для сыновей духовенства, во діак. и во всѣ кл. свѣтск. и дух. учебн. заведеніи.

Дается нотаріальное обезпеченіе.

Приглашены специалисты по математ. и языкамъ. Занятія съ конца мая.

Адресъ: Опошня, свящ. *Гр. Барзиловичу.*

На отвѣтъ 7 к. марку.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Простая рѣчь священника къ народу и прославленнаго Святейшаго патріарха Гермогена.—II. Сомнѣніе Оомы.—III. Православные въ Австріи.—IV. Чего недостаетъ нашей проповѣди.—V. Скорбная странища.—VII. Къ вопросу о наградахъ духовенству.—VIII. Объявленія.

Редакторы, преподаватели семинаріи: { В. Терлецкій.
В. Конопатовъ.

Печ. съ разр. мѣстн. дух. цензуры 1 Мая 1913 года.

Полтава, электр. тип. Г. И. МАРКЕВИЧА.

